

✦ Вопросы теории и методологии

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ИМПЛИКАТИВНЫЙ МИР И КУЛЬТУРА (ЧАСТЬ 2)

Цель цикла статей – обозначить смыслогенетическую трактовку системного понимания макропроцессов культуры в контексте ее сопряжения с миром, трансцендентным человеческому опыту. Предлагается парадигма не религиозной и не мистической интерпретации комплекса представлений об «ином» мире, а также концепция психосферы и медиативной сущности культуры. Вторая статья посвящена критике механистическо-рационалистических взглядов на паранормальные феномены и, в особенности, на магические традиции и способности человека и интерпретации их с помощью концепций психосферы и имплицативного мира.

The aim of the series of articles is to define the sensogenetic interpretation of the systemic understanding of macro-processes of culture in the context of its conjugation with the world, as transcendent to human experience. The proposed paradigm is neither religious nor mystical in its interpretation of the representations of the «other» world. The second article is devoted to a critique of the mechanistic-rationalistic views on paranormal phenomena, and particularly, the magical traditions and individual abilities and their interpretation through the concepts of psychosphere and implicative world.

Ключевые слова: психосфера, имплицативный мир, медиация, интенциональность, когерентность, каузальность.

Keywords: psycho-sphere, implicate order, mediation, intentionality, coherence, causality.

Разворачивая концепцию психосферы, равно как и все другие концепции в рамках смыслогенетического подхода, я принципиально дистанцируюсь от позиционирования своих построений в контексте выяснения отношений между *материализмом и идеализмом*. Для меня этой дихотомии не существует, а потому я не намерен ни становиться на одну из сторон, ни искать формулы их примирения. Эти две доктрины в своем ригористическом взаимоотрицании подобны двум уродливым гвоздям, намертво забитым в стену и не позволяющим ничего на этой стене поместить без учета их местоположения. А между тем метафизическая граница, якобы разделяющая мир эмпирический (доступный опыту) и мир трансцендентный, размывается

Пелипенко Андрей Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологи (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru.

при *чисто количественном* расширении сферы человеческого осознания. И то, что это расширение и осознание достигается с помощью специальных технических средств и простирается за пределами прямого эмпирического опыта — опять же чисто количественный переход, ибо прямого и эпистемологически непосредственного знания вообще не существует. (Впрочем, в глубоком погружении в ИСС, такое знание, вернее, такого рода опыт, достижим. Но в научное и философское знание такой опыт не конвертируется.) Таким образом, метафизический водораздел между идеальным и реальным исчезает, уступая место многоступенчатой иерархии эпистемологических опосредований, а само их разделение становится чистой условностью. Что же касается вопроса об онтологии, о наличии некоей «окончательной реальности», мерцающей за пределами реальности эмпирической (материальной) и следы которой обнаруживает квантовая физика, то реальность эта, будучи нередуцируема до обычной материальной эмпирии, также не может быть отождествлена и с сознанием/осознанием, как это делает квазирелигиозный идеализм. Для такой самонадеянной натяжки просто не существует оснований. А законы этой «последней и окончательной» (?) реальности, даже в самом общем их понимании, не укладываются в прокрустово ложе материалистическо-идеалистического дуализма.

Дуализм этот, словно проклятье, довлеет и над теми концепциями, которые исходят из квантовой природы сознания и взаимодействия его с эмпирическим миром посредством изменения квантовых состояний нейронов. Здесь мы опять видим всю ту же картину мира № 1 — материального и мира № 2 — идеального (мира сознания), между которыми помещается в качестве связующего звена человеческий мозг (Дж. Экклз, К. Поппер). Здесь, впрочем, с необходимостью появляется и мир № 3 — мир культурных значений, но неизбывный дух дуализма и субстанциализма не позволяет во всем этом разобраться без натяжек и искажающих призм «правил игры».

Нашу позицию можно было бы представить как условно близкую *нейтрально-гому монизму*, если бы и в нем не возникал как *deus ex machina* непознаваемый Абсолют, в котором все та же материально-идеальная дихотомия снимается, всего лишь меняя жесткое антиномическое позиционирование на более мягкое — комплементарное.

И еще одна оговорка. Чем сложнее структурная организация культурной системы, тем многослойнее ментальность ее носителя — человека. Это значит, что режим и глубина погружения человека в психосферу не могут быть выражены какой-либо *раз и навсегда данной формулой*. Каждый из слоев ментальности располагает своим набором настроек и налаживает свой собственный репертуар психосферной медиации и взаимоотношений с психическими матрицами. Вот почему, человек современной культуры может в одном секторе своей ментальности быть «эйдетиком» и чуть ли не визионером, а в другом — последовательным рационалистом.

Чтобы рассмотреть перечисленные в предыдущей статье явления в рамках единой гипотезы, необходимо представить себе механизм (неподходящее слово!) медиации между импликативным и эмпирическим мирами, проявляющими себя через явления психосферы.

Психосферная медиация и «ложные представления»

Гипотеза психосферной медиации (ПМ), предлагающая интерпретацию обозначенного выше комплекса «паранормальных» явлений, не может быть построена на основе антиисторических представлений об абстрактном человеке. На разных

стадиях развития человеческой психофизиологии и ментальности этот комплекс проявляется по-разному.

Не стану лишней раз останавливаться на том, что объяснение «абсурдности» архаического мышления (алогизм, неразличение множественности и единичности, одновременное пребывание духа в разных точках пространства и т.п.) заключается в нелокальности психосферных явлений и «атавистической» погруженности архаического сознания в мир когерентных связей.

Когда в ходе антропогенеза подчинение жестким и стандартизованным, основанным на инстинктах отношениям с имплицативным миром частично разрушилось, на «принимающее устройство» психики гоминид обрушился вал незнакомых прежде интенциональных импульсов, сигналов и воздействий. Невидимые мосты, по которым интенциональные импульсы животной психики циркулировали в своих отношениях с имплицативным миром, частично обвалились, что и определило психическую составляющую симптомов эволюционной болезни. Полного обвала этих мостов ни один биологический вид перенести бы не смог. К тому же это и невозможно в принципе, ибо означало бы полностью расстаться со своей природной компонентой. Но и того разрушения, что принесла с собой эволюционная болезнь, оказалось довольно для трансформации животного психизма в протокультурное сознание, а затем, по мере его дальнейших трансформаций, — в сферу зрелой человеческой ментальности. Эрозия стандартных природных каналов взаимосвязи психики с имплицативным миром шла на протяжении всего периода антропогенеза, и все это время дуализм двух миров медленно, но верно проступал и проявлялся в пробуждающейся рефлексии раннего сознания. По мере развития культурных практик, основанных на опыте освоения эмпирического мира, увеличивалась и *действительная* дистанция между мирами, что и являлось глубинным основанием отпадения, обособления культуры и человека от материнской системы — природы. Однако еще для современного архаика процесс отпадения от синкретизиса не зашел слишком далеко. Соответственно и дуализм эмпирического и запредельного миров для него еще очень далек от жестких дихотомических форм, присущих поздним стадиям развития культурного сознания. Но такого рода «холизм» — лишь атавистическое, ослабленное воспоминание о несравнимо более высоком уровне синкретизма, которое неуклонно утрачивалось с развитием самости и культурного сознания вообще. В этом смысле современные первобытные народы являют своего рода «декаданс», разложение и упадок той целостности и прямой интенциональной отзывчивости на когерентные взаимосвязи и вообще любого рода импульсы имплицативного мира, которые имели место еще в верхнем палеолите, не говоря уже о более ранних временах.

Каким же образом развивается диспараллелизм миров? Психика изначально, в силу своего природного происхождения ориентированная на улавливание когерентных связей, постепенно утрачивает с ними связь и принимает за них *ложную каузальность*. Что это такое? Включение в процесс становления психики процессуально-временных (сукцессивных) отношений сбивают правополушарные настройки погружения в паутину когерентных отношений. Поэтому, подсознание вынуждено «ощупью» отыскивать агентов когерентных связей и полуосознанно-полупринудительно связывать их меж собой. Там, где атавистические «прописи» животного психизма оказываются недостаточно стертые эволюционной болезнью, там это в той или иной мере удастся, и акты безошибочного животного «знания» восстанавливаются

и срабатывают уже на территории осмысленных культурных практик. Там же где инстинктивные каналы медиации оказываются разрушены, непосредственное погружение в когерентность и получение, соответственно, прямых психических и поведенческих регуляций вынужденно заменяется тем, что впоследствии станет пониматься как *культурный опыт*. Эти вторично установленные связи, которые инерционно переживаются ранним сознанием как когерентные, в действительности отражают не когерентные, а каузальные либо псевдокаузальные связи.

Но что же представляет собой псевдокаузальная связь? Объективные каузальные связи между вещами обнаруживают себя в сознании на основе их (вещей) физических свойств, присущих им по природе. Но этот сектор связей лишь малым флангом включен в спектр животной психической перцепции за ненадобностью. Животным не нужно осваивать физические свойства вещей: все необходимые с ними взаимодействия предусмотрены инстинктивными и дополнены и скорректированы условно-рефлекторными сценариями. Поэтому в животной психике каузальность инкорпорирована в когерентность. Лишь при определенных условиях эта когерентность ситуативно «расплющивается», «высвобождая» ощущение протокаузальности. Примерами поведения животных, иллюстрирующими эту ситуацию, изобилует современная этологическая литература [1]. У человека же (включая и его предков) из этого сектора каузальности развивается рационалистический бытовой, а затем, на высоком уровне развития сознания и знаковых систем — и научно-теоретический опыт. Это — первый тип каузальности.

Второй же тип — условно говоря, ложный — проистекает из стремления *навязать* вещам *квази- и псевдокогерентные связи*, то есть заново обнаружить их там, где они по смутным атавистическим интуициям должны быть, но не чувствуются, будучи отсечены в человеческом восприятии левополушарными когнитивными паттернами. Неуклонно и последовательно утрачивая естественную погруженность в когерентность, пробуждающееся культурное сознание стремится нырнуть в нее заново, по-новому устанавливая полустертые в психике пути в когерентную паутину импликативного мира, и преодолеть или, по меньшей мере, компенсировать травматичное отпадение от палеосинкретизиса. Но что утрачено, то утрачено: «правильная» животная вписанность в когерентный мир в ходе культурогенеза все более отдаляется в область недостижимого идеала. Отсюда, кстати, и бесконечная ностальгия по воссоединению с Единым, тянущаяся с момента осознания проблемы отпадения. (Концепт Единого со всеми его изофункциональными коррелятами, разумеется, возникает уже на гораздо более поздней стадии развития сознания и культуры, но я использую здесь это понятие как обобщенную номинацию холистического палеосинкретизиса, в котором пребывало человеческое сознание задолго до появления любого рода концептов.)

Раннее сознание по-детски тычется в вещи и методом проб и ошибок, а иногда и «назло ошибкам» пытается вновь поймать ускользающие алгоритмы и невыразимые «флюиды» когерентностей. В раннем сознании память о ненарушенной эволюционной болезнью погруженности в когерентность еще довольно свежа, и на ее основе на протяжении миллионов лет антропогенеза сформировалась мощнейшая устремленность к трансцендированию. Последняя понимается как вторичное погружение в мир когерентных связей и прямое считывание импульсов импликативного мира. Порыв к трансцендированию в своем экзистенциальном значении столь важен и фундаментален, что возникающие при его осуществлении когнитивные установки

превосходят по глубине и силе режимы восприятия освоения эмпирической реальности. Потому миф и господствует над опытом. И не только в первобытности.

В поисках утрачиваемых ключей к возвращению в когерентные связи раннее сознание невольно опирается уже и на левополушарные когнитивные режимы. Оно искусственно-принудительным образом выстраивает ряды зависимостей между вещами по принципу внешнего сходства, произвольно понимаемого подобия, репрезентации целого его частью и т.п. Из этого ряда – описанная Леви-Брюлем и другими этнографами нечувствительность архаического мышления к логическим противоречиям или установление ложных зависимостей: к примеру, понимание предшествующего события как причины некоего иного события, имевшего место впоследствии. Здесь глубокое переживание временной последовательности как модифицированной когерентности и, более того, экзистенциальная ей сопричастность как бы заменяют утрату изначального «чувства когеренции» и оправдывают произвольность, необязательность новоустановленной связи.

В общем случае можно сказать, что для развивающегося сознания замена погруженности в континуум когерентных связей на доминирование каузальности никогда не проходит бесследно. И самый минимальный ущерб, который, впрочем, долгое время никак не замечался, – это нарастающий диспараллелизм мифа и опыта, где миф – сфера ложной каузальности [2]. (Разумеется, значение мифа этим не исчерпывается.) Ложной с точки зрения объективной физической природы вещей, но, безусловно, истинной с точки зрения переживающего сознания. Таким образом, сбой и дисфункции прямого «знания», достигаемого путем психической погруженности в континуум когерентных связей, порождают на основе недоступных животным комбинаторных способностей человеческого ума чисто психологические, мнимые и ложные с точки зрения естественной природы вещей связи.

На этом рационалистический подход останавливается, считая вопрос исчерпанным. Так, согласно К. Леви-Строссу, для возникновения магической ситуации необходимо сочетание трех факторов: веры шамана в свои колдовские возможности, веры человека в силу колдовского воздействия и веры общества в действенность магической традиции. Однако, говоря о возникновении магической ситуации, и Леви-Стросс, и другие авторы уводят разговор о «настоящих чудесах», которые-де могут при этом твориться, в область невнятных полуметафор и стыдливой двусмысленности, не желая, с одной стороны, игнорировать очевидное, но с другой – панически боясь хотя бы в малой степени заслужить упреки в иррационализме.

Но не слишком ли просто ставить здесь точку с помощью нехитрой дихотомии: истинное – ложное? Являются ли ложные связи чисто психологическими и потому *в полной мере* ложными? Здесь мы подходим к одному пикантному моменту. *В имплицитном (когерентном) [3] мире нет ничего абсолютно меж собой не связанного.* В ином случае тезис о всеобщей связи был бы пустой декларацией. Поэтому даже произвольно устанавливаемые «большим» сознанием связи, не верифицируемые практическим опытом, *не могут быть абсолютно ложными.* Эти связи, устанавливаемые посредством мистических и ритуально-магических техник по каналам мифологического ассоциирования, адресуются к тонким и удаленным от фронта стандартных естественных экспликаций (распаковываний) слоям имплицитного мира (подробнее см. ниже) Оттого вероятность их проявления (реализации) в эмпирическом мире критически мала. И вот здесь-то и кроется интрига!

Психическая энергия человека, то есть сила его интенций, частично освобожденная от связанности природными психическими режимами, способна *реализовать, то есть «вытягивать» из импликативного мира и воплощать в эмпирической реальности часть спектра ею самой установленных вторичных и «ложных» с точки зрения физической природы вещей связей.*

Иными словами, человек способен *продвигать* абстрактные возможности осуществления к рубежу реализации (экспликация) и, при определенных условиях, преодолевать этот рубеж, превращая имплицитные возможности осуществления в эмпирические акты существования. Проще говоря, силой своей психической интенциональности распаковать потенциальные акты существования в наличную реальность. По принципиальным соображениям не стану связывать эти положения с модными темами самосбывающихся прогнозов, трансферинга, моделирования реальности и т.п., предоставляя читателю самому определить для себя степень их серьезности.

Квантовая физика теоретически допускает обмен информацией без обмена энергией («квантовая передача порядка»), и это может быть ответом на вопрос о законе сохранения энергии в процессе означенной медиации между мирами. Но важно и то, что в соответствии с этими же представлениями, ментальная интенциональность человека (обычно это называется миром сознания или разума) способна влиять на вероятность микрособытий, образующих, в свою очередь, макрособытия в эмпирическом мире. Такую гипотезу выдвигал, в частности, нейрофизиолог Дж. Экклз. Собственно, гипотеза, согласно которой человеческое сознание «схлопывает» квантовую волну, была предложена еще фон Нойманом в 1930-х гг. С тех пор она получила многочисленные экспериментальные подтверждения. Современные квантовые представления рассматривают отношения человеческой когнитивности с внешним миром как своего рода *нелокальную интерактивность*. А нелокальные воздействия человеческой интенциональности на процессы и объекты макромира — как частные ее проявления. Неслучайно В. Гейзенберг называл паттерны потенциальностей тенденциями.

В таких случаях говорят о чуде и нарушении законов природы. Однако в большинстве случаев можно говорить лишь о нарушении известных культурному сознанию данной эпохи правил и законов, не более того. Ведь то, что мы привыкли понимать под объективными и незыблемыми законами природы — всего лишь частный случай, один из секторов необозримой сферы *потенциально возможных* связей и отношений между вещами. И верификация этих законов практическим опытом ничего не меняет в этой диспозиции; опыт наш также не субстанционален, а модален, как модально вообще наше восприятие мира. Логика и законы эмпирического опыта всего лишь *устанавливают границы* того сектора свойств и связей вещей, в котором человеческое сознание и культурные практики релевантны означенным свойствам и связям. Причем границы эти, которые из каждой отдельной исторической точки видятся как окончательные и не подлежащие пересмотру, в исторической перспективе предстают весьма подвижными, то есть относительными.

Неслучайно по результатам научных открытий и мировоззренческих трансформаций первой половины XX в., принцип историзма решительно вторгся и в области, традиционно далекие от гуманитарных сфер — фундаментальную физику и разные области естествознания. Иными словами, принцип историзма распространяется теперь не только на законы культуры, но и на законы природы. И хотя далеко не все готовы принять картину мира, в которой наша Вселенная — одна из множества

подобных, перманентно рождающихся из «квантово-гравитационной пены» [4], просто игнорировать положение, согласно которому «законы природы – не более чем принципы местного действия, результат исторических случайностей, произошедших в “первые мгновения” после Большого взрыва», более нельзя [5].

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что параллельно с угасанием способности к перцепции когерентных связей в человеческой ментальности развивается способность к перцепции *двух типов каузальности*. Первый, условно говоря, атавистический, представляет собой трансформированную левополушарными когнитивными техниками когерентную (по генезису – правополушарную) перцептивность и выступает психической основой «ложных представлений», как они понимаются в данном контексте. Такая перцептивность в свою очередь определяет возможности *магического воздействия* на реальность и, что особенно важно, *степень эффективности* такого воздействия.

Наглядным примером каузальности первого типа помимо разнообразных магических практик являются универсально распространенные практики гадания. Здесь сознание стремится уловить и почувствовать в эмпирическом мире внешние признаки-проявления скрытых когерентных соосуществлений и, «расплюснув» (спроецировав) их во временном измерении, придать им вид каузальной связки по принципу «если... то». При этом атавистическая «когерентная интуиция» уверенно связывает кончики нитей, тянущихся к агентам когерентных связей, которые «торчат» из имплицитивного мира и проявляются в совершенно внешне не связанных меж собой вещах и явлениях. Полет птицы, сожженные внутренности жертвенного животного, кости, вода, зеркало, бобы и прочее понимается магической интуицией как некие особые ключи-медиаторы, приоткрывающие двери в запредельный мир. С помощью этих ключей можно прощупать нити когерентностей, скрывающиеся за внешним обликом вещей. Разумеется, чем больше разнообразных опосредований символического технологического характера вклинивается между агентами предполагаемой (или искусственно устанавливаемой?) когерентной связи, тем меньше оснований говорить о действительной и объективной когерентности. Связь здесь может быть установлена лишь вторичным образом за счет интенциональных энергий человека. Но то, что в разных культурных традициях «щели» в имплицитивный мир ищутся в сходных направлениях, то есть атрибуты и приемы гадания во многом совпадают у разных народов, явно неслучайно.

Второй тип каузальности – *рациональный*, в привычном смысле этого слова, основанный на эмпирическом (эмпирических ???), локальных, говоря физическим языком, связях, опыте освоения эмпирических свойств вещей, данных в модальности, релевантной ключевым модусам развивающегося человеческого сознания. Этот общераспространенный тип каузальности в дополнительных комментариях не нуждается.

На основе сказанного, можно предложить набросок модели исторической динамики изменений ментальности для раннего и архаического сознания, по принципу соотношения между способностью к прямым включениям в когерентные суперпозиции (в более широком, нежели квантовое, понимании) имплицитивного мира и соответствующей этому режиму магической потенцией, с одной стороны, и динамикой наработки рационально-эмпирического опыта - с другой. Через это сопоставление проясняется природа и историческая динамика означенных «ложных представлений».

1. Нижний и частично средний палеолит – доминирование животной погруженности в когерентность с постепенным нащупыванием вторичных, новообразуемых псевдокогерентных связей. Связи эти, основанные на неоптимальной на этой стадии психической эволюции «смеси» право- и левополушарных паттернов, главным образом, «неправильные», ложные, не отражающие ни физическую природу вещей, ни схватывающие их глубинной когерентной взаимосвязи. Пораженная эволюционной болезнью психика гоминид, в отсутствие сформировавшихся компенсаторных режимов, находит спасение в лоне незатронутых эрозией секторов животной инстинктивности. Но, за их пределами господствуют протомагические по своему характеру вторичные (в вышеозначенном смысле) связи. Они не обладают безошибочностью инстинкта, но также не обладают и адекватным соответствием естественной природе вещей. Поэтому их переживание протекает в режиме максимальной суггестии и возможности *вызывать к существованию «неправильные» с точки зрения естественной природы вещей акты осуществления*. При этом мощнейшая суггестивность заключается в узкие рамки стихийной, бессознательной интенциональности, ведь ни о каких даже определенных целополаганиях или даже представлениях о желательном результате на этом этапе культурогенеза и речи быть не может. Возможно, именно отсутствие рефлексии и знакового опосредования экзистенциальных интенций и обеспечивает эффективность спонтанной медиации психики с импликативным миром и достижение прямого протомагического воздействия на вещи.

2. Средний и, главным образом, верхний палеолит и мезолит. Прямая, животная по генезису «когерентная интуиция» неуклонно деградирует. Когнитивные доминанты окончательно смещаются в область «неправильной», *мистико-магической каузальности*. Сформировавшиеся к этому времени мифоритуальные семантические комплексы господствуют над узким сектором рационального эмпирического опыта. Связанная с ним каузальность второго, «правильного», рационального типа синкретически слита с каузальностью первого, «неправильного», магического типа при сильнейшем преобладании последнего. Интенционально-энергетические возможности человека на этой стадии максимальны, поскольку потенциал прямого интенционального (магического) воздействия на реальность сочетается с достаточно развитыми культурными практиками и представлениями об этой самой реальности, что способно породить достаточно широкий спектр целополаганий. Это эпоха, которую можно, в известном смысле, назвать золотым веком магии.

3. Современное состояние архаического и постархаического сознания. Нисходящая в силу усиления левополушарной когнитивности, линия «когерентной интуиции» приблизительно уравновешена с восходящей линией утверждения эмпирического рационализма и «правильной» каузальности или даже отчасти уступает ей. Когерентные связи улавливаются искаженно и фрагментарно. Их считывание осуществляется главным образом за счет «атавистических» правополушарных психических режимов, подпитываемых коллективными интенциональными импульсами. Импульсы эти кодируются в соответствующей мифосемантике и в таком опосредованном виде закрепляются в традиции. Но магические техники уже почти не работают, а коллективная интенциональная индукция настолько слаба, что традиционные мистические представления, отражающие некогда действенные магические отношения, вырождаются до суеверий, коими переполнена повседневная жизнь современных первобытных людей. На поздних стадиях разложения традиционного

общества и соответствующего типа ментальности агенты «ложных» связей (каузальность первого типа) не только далеки от действительной когеренции, но и даже и от ее ослабленного подобия. Ведь психическая индукция человека (коллектива), стремящаяся вторичным и принудительным образом с помощью волевого импульса воздействовать на интенциональные потоки, уже почти совсем выдохлась. Агенты эти служат лишь *внешними семантическими кодами* для включения в соответствующей *инерционной* суггестии (индукции), не способной более к действительным магическим воздействиям. Здесь угасающая сила магического воздействия зависит от субъективного интенционально-энергетического потенциала индивида или группы и условий его проявления. Вопрос можно формулировать так: способен ли данный индивид (группа) со своим индуктивным потенциалом создать действующую когерентную связь, и тем самым осуществить действенный магический акт? В большинстве случаев, ответ отрицательный. Но есть и область исключений.

В конечном счете, вырождение действенной магии и подмена ее рецептурно-обрядовыми практиками, ложными уже без всяких кавычек представлениями и совершенно иррациональными правилами и табуациями, приводит к тому, что историческая динамика современных первобытных народов представляется не столько инерционным доразвитием культурных форм верхнего палеолита-мезолита, сколько их деградацией. Эпоха действенной магии, несомненно, являла не только большее разнообразие, но и большую гибкость, вариативность и динамику.

Примечательно, что фактором деградации служил не только присущий архаическим обществам изоляционизм, но и воздействие стадияльно более высоких мировоззренческих и религиозных систем. «Парадокс современной ситуации заключается в том, что мировые религии в известной мере способствовали консервации культа предков в Африке, прервав процесс его “естественного умирания”. Нанеся свой основной удар по общеплеменным богам (напомним: духи предков превратились было в их слуг!), христианство и ислам затронули семейно-родовые культы в гораздо меньшей степени. В итоге, культ предков оказался среди тех немногих элементов автохтонных религий, которые в целом сохранили свои позиции...» [6].

Каузальность первого и второго типов пребывают в диффузном смешении. Вопрос этот более сложен, чем может показаться на первый взгляд. Дело не только в том, что в мифологическом сознании архаического и постархаического человека соседствуют и переплетаются элементы жизненно важного рационального опыта и представления, которые с точки зрения зрелого рационалистического сознания выглядят нелепыми и абсурдными суевериями. Тонкость в том, что эти самые нелепые представления отражают всякий раз разные интенционально-энергетические настройки коллективного (реже индивидуального) психического поля (не побоюсь этого слова!), определяющие степень их «неправильности». Иными словами, существует, как уже говорилось, некий диапазон, в котором интенционально-энергетические воздействия архаического коллектива способны оказывать реальное магическое воздействие на вещи и события в обход их «рациональной» физической природы. Указанный диапазон показывает градацию степени «ложности» каузальных связей и отношений первого типа. При этом степень их магической эффективности напрямую зависит от уровня потенциала суггестивности психики и способности к индукции и автоиндукции, то есть частичного подавления левополушарных когнитивных режимов, и максимальному восстановлению прямого включения в перцепцию ко-

герентности. Обычно это осуществляется в режиме ИСС. Иначе говоря, чем более каузальность первого типа «редуцируется» до своих «атавистических» оснований, то есть погружается в правополушарную перцепцию когерентных зависимостей, тем эффективнее процесс магического воздействия на реальность.

Однако стремление к такого рода «редукции» наталкивается на непреодолимые барьеры, установленные психофизиологической эволюцией. Поэтому описания магических обрядов и практик у современных архаических и постархаических народов, как правило, включает в себя элементы анализа психических расстройств и патологий, возникающих в трассовых, индуцированных и т.п. состояниях.

Например, повсеместно распространенные в архаических обществах представления о том, что свойства пищи передаются съевшему ее человеку, с рационалистической точки зрения, выглядит совершенно беспочвенной [7]. Но в той реальности, в которой живет архаический человек степень «беспочвенности» может широко варьироваться, в зависимости от суггестивного потенциала отдельного индивидуума или группы. То есть здесь не только в той или иной степени срабатывает или не срабатывает эффект родственной эффекту плацебо, но и разворачивается шкала в той или иной мере *действительных* связей между человеком и его пищей. Эти связи, относясь к первому типу каузальности, актуализуют, то есть вытягивают силой психической интенциональности из импликативного мира такие зависимости, которые в рациональном мире маловероятны до неразличимости и потому воспринимаются рациональным сознанием как нечто невозможное. Потенциал таких «вытягиваний», повторю, зависит всякий раз от целого ряда привходящих обстоятельств и, прежде всего, от коллективной ментальной конституции данного сообщества. Чем больше мысль запутывается в различных семантических кодах, извивах псевдологических построений дополнительных каузальных обусловленностей и т.п. «дискурсивности», тем слабее суггестия и интуиция когерентности. Каузальность первого типа, обретая свою, подспудно пропитанную практико-эмпирическим опытом квазилогику, вырождается и теряет действенную магическую силу.

Так, универсально распространенный комплекс магических традиций, отражающий представления о возможностях воздействия покойников на различные сферы жизни, вероятно, отражает некий сложный режим ПМ, связанный с количественными и качественными преобразованиями и конвертациями интенционально-энергетических потоков. Соответственно, погружение психики в суггестию самых глубинных и потому семантически абстрактных уровней, возникающих при этом каузальных связей первого типа, то есть, по сути, еще всего лишь слегка «расплюсченной» во времени когерентности, способно дать эффективные магические результаты. Но дальнейшие вариации темы в разнообразных культурных контекстах с наращиванием семантических опосредований неизменно выхолащивают действенность магического акта.

К примеру, у тасманийцев, где, как и во всех традиционных обществах, верят в целительную силу покойников, существует обычай лечиться, выпивая воду, в которую наскребли с костей покойника. Дело не в том, что этот обычай идет вразрез с любого рода реалистическим опытом, а в том, что в данном случае отрыв от физической природы вещей здесь столь велик, что магическая действенность такого лечения требует столь мощной суггестии и такой концентрации интенционально-энергетического поля, которая, возможно, и имела когда-то место у глубокоархаических та-

сманийцев, но на стадии даже сравнительно небольшой эрозии архаической ментальности, превращается из эффективного магического средства в бесплодный и физически опасный предрассудок.

Вообще, каузальность первого типа носит сложный, диффузный характер. Ядром ее выступает описанная выше способность к установлению вторичных внерациональных связей на основе прямого диалога с имплицативным миром. Кроме того, к ней примешивается и частично конвертированная в сукцессивную модальность, «когерентная интуиция», а также элементы каузальности второго, собственно рационального типа. По ходу надо заметить, что в ряде случаев рациональный опыт архаического человека включает в себя знание таких вполне объективных и действительных свойств вещей, которые не видятся и не признаются рационалистической новоевропейской наукой и на этом основании объявляются ложными и несуществующими. Но это особая тема.

Подытоживая, можно сказать, что каузальность первого, внерационального типа может быть сама подразделена на два подтипа. Первый, наиболее архаичный, актуализует действительные когерентные связи между вещами в обход их эмпирически осваиваемой человеком физической природы. Второй – посредством индуктивно-суггестивных воздействий «всего лишь» внушает человеку переживания такого рода связей. В этом случае диапазон эффективного магического воздействия ограничивается рамками осознанных перцепций сознания, а агенты новоустановленных когерентных (с приставкой «псевдо» или без) связей, независимо от их имманентных свойств, служат лишь семантическими кодами, запускающими механизм суггестии. К примеру, с помощью магии, соотносимой с первым подтипом каузальности, можно пытаться воздействовать на природные объекты или явления – вызывать/прекращать дождь и т.п. С помощью второго – воздействовать только на осознаваемые человеком сферы его жизнедеятельности. Проще говоря, архаический человек способен внушить самому себе или своим соплеменникам, что, к примеру, головной убор из птичьих перьев придает ему (человеку) некоторые полезные свойства птицы. И эта «ложная» связь будет действительно хотя бы отчасти работать за счет силы суггестии. Сами же перья служат не боле чем семантическим кодом: их глубинная онтологическая природа с соответствующим потенциалом скрытых когеренций в процесс установления связи не включается. Это – второй подтип. Внушить же некую навязанную когеренции внешним физическим объектам или явлениям в рамках второго подтипа невозможно; можно лишь индуцировать перцептивные аберрации в своем собственном сознании, что, как правило, и происходит в эпоху разложения традиционных культур или в современном, заигрывающем с магическим мировосприятием сознанием. Для установления действительных вторично-принудительно-когерентных связей первого подтипа необходим качественно более высокий интенционально-энергетический и суггестивно-индуктивный потенциал, в целом иссякший к эпохе верхнего палеолита. Его атавистический шлейф в современных первобытных обществах и точечные проявления в обществах постархаических – не более чем своего рода метастазы эволюционной болезни, хотя роль их в культуре эпизодически может быть весьма значительной.

Приведенные выше теоретические рассуждения могут быть проиллюстрированы огромным количеством этнографических и историко-культурных данных, которые могли бы составить отдельную книгу. Но, приводить этот материал здесь не имеет

смысла даже выборочно. Достаточно обратиться к классическим трудам по этнографии и взглянуть на приводимый там материал в соответствующем ракурсе. Важно лишь подчеркнуть, что, рассматривая с этих позиций колоссальный материал этнографии, сравнительной антропологии, фольклористики, палеопсихологии и др., можно утверждать, что та часть жизни общества, причем не только архаического, которую с рационалистической точки зрения принято считать сферой магических, мифологических и мистических иллюзий, в действительности представляет собой видимое выражение реальных психосферных процессов и жизни психосферных феноменов. Сама же ПМ — это не иррациональный балласт, прицепленный к утилитарно-хозяйственным практикам, а корневое основание жизни человека и самой культуры. И в этом еще неоднократно предстоит убедиться.

Примечания

1. См. напр.: Резникова Ж.И. Интеллект и язык. Животные и человек в зеркале экспериментов. М., 2000.
2. Здесь слово «ложных» употребляется в значении, требующем невыразимой на письме нюансировки: нечто между заключением в кавычки и отсутствием таковых.
3. Поясню, что термины *импликативный* и *когерентный* не являются полными синонимами. Когерентность — это тот модус реальности, в котором субстанциональность импликативного мира являет себя человеку наиболее непосредственно, т.е. еще до фильтрации и обработки всех поступающих в мозг сигналов сознанием. Кроме того, типология связей внутри импликативного мира не покрывается понятием когерентности.
4. Новиков И.Д. Инфляционная модель ранней Вспененной // Вестник Российской академии наук. М., 2001. Т. 71. № 10.
5. Рус М. Наша космическая обитель. М.; Ижевск, 2002. С. 14.
6. Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 115.
7. В этом же ряду и описанные этнографами бесчисленные примеры установления архаическим (и не только) сознанием вторичных зависимостей на основании разнообразно понимаемой симпатии. «...Гучиол, который надевает на голову перья орла, преследует цель не только украсить себя: он помышляет о том, чтобы при помощи перьев приобщиться к зоркости, прозорливости, силе и мудрости птицы. Сопричастие, лежащее в основе коллективного представления — вот, что заставляет действовать таким образом». Леву-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 83.